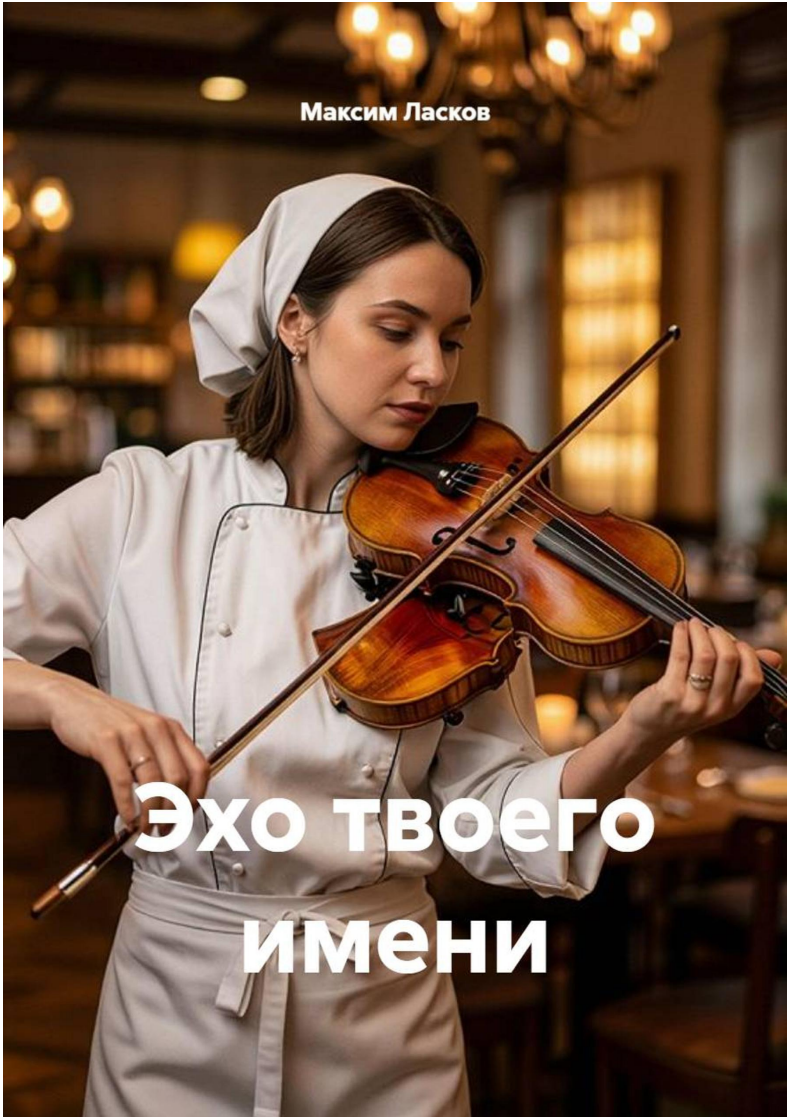

Максим Ласков
Эхо твоего имени

Максим Ласков
Эхо твоего имени

https://litres.ru/74832738
SelfPub; 2026

Аннотация

Она готовит для тех, кого больше нет. Он играет для тех, кто больше не слышит.

Анна, шеф-повар «Соли», потеряла мужа пять лет назад — и кормит других, потому что не умеет говорить. Максим, скрипач, не слышит два года. Он заходит в «Соль» случайно — и впервые что-то чувствует. Она готовит ему то, чего нет в меню. Её еда — его тишина.

А потом Максим узнаёт: есть шанс на операцию. Шанс слышать. Но с вероятностью 90% — амнезия. Он может забыть всё. Всё, что связано с Анной. И он должен выбрать: слышать её голос — или помнить её лицо.

«Эхо твоего имени» — роман о том, что любовь не всегда кричит. Иногда она звучит как тишина. Как эхо. Как имя, которое ты повторяешь в темноте, надеясь, что тебя услышат.

Содержание

ГЛАВА 1. «СОЛЬ» 4
ГЛАВА 2. «ТИШИНА МЕЖДУ НАМИ» 15
ГЛАВА 3. «ЭЛЕГИЯ ДЛЯ ДВОИХ» 28
ГЛАВА 4. «СОЛЬ НА ГУБАХ» 41
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Максим Ласков
Эхо твоего имени

ГЛАВА 1. «СОЛЬ»

К шести вечера «Соль» обычно пустел.

Анна любила этот час — между дневной суетой и ночными парами, когда в зале оставался один-два гостя, а на кухне можно было выдохнуть. Она стояла у плиты, помешивала соус для завтрашней пасты и слушала, как за окном ветер гоняет по набережной пустые стаканчики. Зима в этом году выдалась злая: сырая, с туманом, который выползал из воды и лизал витрины.

Пахло хлебом. Она пекла его каждое утро — шесть буханок, не больше. Дмитрий говорил: «Хлеб — это как любовь. Если добавишь лишнего — испортишь». Она тогда смеялась. Теперь не смеялась, но пекла. Каждое утро. Ровно шесть — потому что на седьмую не хватало духу: седьмая всегда оставалась лишней, а лишнее она выбрасывать не умела. Тимур однажды спросил: «Почему не семь?» Она ответила: «Потому что шесть — это чётное. Чётное можно разделить на двоих». Он не понял. Она не объяснила.

Соль. Перец. Тимьян. Чеснок. Она проверила соус трижды — не потому, что он был плох, а потому, что руки долж-

ны были чем-то заняться, пока голова молчала. За окном ветер гонял стаканчик по граниту. Анна смотрела на него и считала вдохи — раз, два, три — до тех пор, пока стаканчик не улетел в воду. Потом вернулась к плите.

Тимур протирал бокалы за стойкой. Он всегда протирал их слишком тщательно, когда хотел что-то сказать, но не решался.

— Шеф, — начал он наконец. — Вы сегодня опять не ели.

Анна не обернулась.

— Ела.

— Когда?

— Утром.

— Утром вы пили кофе и пробовали соус. Это не еда.

Она вздохнула — коротко, почти неслышно, — и сняла соус с огня. В кухне стало тише: только вентиляция гудела над плитой да где-то в зале звякнула вилка о тарелку.

— Тимур.

— Что?

— Ты мне не мать.

Он хмыкнул и вернулся к бокалам. На этом разговор заканчивался всегда — уже третий год подряд. Она знала, что он не отстанет, но и он знал, что она не сдастся. Так они и жили: он спрашивал, она уходила в соус.

Анна вытерла руки о фартук — серый лён, с вышитой солью на кармане — и вышла в зал. У окна сидела пожилая пара, доедала тыквенный суп. У стены — мужчина в костю-

ме, читал телефон. Больше никого.

Она посмотрела на набережную. Фонари уже горели, но свет их был мутный, размытый туманом. По гранитному парапету шёл человек — высокий, в чёрном пальто, с футляром в руке. Футляр был длинный, узкий. Анна знала такие: скрипичный.

Человек остановился у витрины. Посмотрел на вывеску — простую, деревянную, с выжженным словом «Соль» — и толкнул дверь.

Колокольчик над входом звякнул.

«Поздно, — подумала Анна. — Мы закрываемся через полчаса».

Но вслух ничего не сказала. Она никогда не говорила этого вслух. Ресторан был её домом, а дом не закрывается перед гостем, даже если гость пришёл за пять минут до полуночи.

Мужчина сел за столик у окна — тот самый, который Анна про себя называла «ничейным», потому что за него никогда никто не садился дважды. Поставил футляр на соседний стул, расстегнул пальто, но не снял. Посмотрел в меню — коротко, без интереса, — и отложил его в сторону.

Тимур подошёл к нему с блокнотом.

— Что будете?

— Что-нибудь простое, — сказал мужчина. Голос у него был хрипловатый, будто он давно не говорил. — Пасту. Без мяса. И хлеба.

— Хлеб у нас свой, — сказал Тимур. — С маслом или

просто?

— Просто.

Тимур кивнул и ушёл на кухню. Анна стояла у прохода, скрестив руки. Она смотрела на мужчину — не потому, что он был красив (он не был красивым в привычном смысле: слишком острые скулы, слишком усталые глаза), а потому, что он сидел странно. Не как гость. Как человек, который зашёл не есть, а спрятаться.

Он не снял пальто. Не смотрел в телефон. Просто сидел и смотрел в окно, на туман, и его пальцы — длинные, с мозолью на безымянном — лежали на столе неподвижно.

«Скрипач», — подумала Анна. И тут же одёрнула себя: какая разница.

Она вернулась на кухню. Тимур уже ставил воду для пасты.

— Он странный, — сказал Тимур.

— Все странные, — ответила Анна. — Ты просто привык к нашим.

Она открыла холодильник, достала трюфель — маленький, чёрный, из тех, что она покупала раз в месяц у одного старика на рынке, — и стала нарезать его тонко, почти прозрачно. Руки работали сами. Голова была пуста. Это было её любимое состояние: когда не надо думать, когда есть только нож, доска и продукт.

Через десять минут она вынесла тарелку сама. Не потому, что Тимур не мог. Потому что хотела посмотреть на его ли-

цо.

Она поставила пасту перед ним. Он поднял глаза — серо-зелёные, с каким-то странным выражением, будто он смотрел не на неё, а сквозь.

— Спасибо, — сказал он.

Анна кивнула и хотела уйти.

— Подождите.

Она обернулась.

— Это трюфель? — спросил он.

— Да.

— Я его не чувствую.

Анна нахмурилась. Морщинка между бровями стала глубже.

— В смысле — не любите?

— В смысле — не чувствую, — сказал он спокойно, без вызова. — Я не чувствую запаха. Уже два года. Но я знаю, что он там есть. Я вижу, как вы его нарезали. Я слышу, как он пахнет. В голове. Но не носом.

Она стояла и не знала, что сказать. Впервые за долгое время гость сказал ей что-то, чего она не ожидала.

— Тогда зачем вы его заказали? — спросила она наконец.

Он посмотрел на тарелку, потом на неё.

— Потому что я хочу вспомнить, как это — чувствовать.

Он взял вилку и медленно поднёс ко рту. Первая паста. Он жевал долго, с закрытыми глазами. Анна стояла рядом и смотрела. Она знала, что это неправильно — стоять над

гостем, — но не могла уйти.

Он открыл глаза.

— Соль, — сказал он. — Я чувствую соль. На губах. И тепло. Это тепло.

Он положил вилку и посмотрел на неё так, будто она только что сделала что-то невозможное.

— Спасибо, — сказал он тихо.

Анна кивнула и ушла на кухню. Сердце стучало где-то в горле. Она налила себе воды, выпила залпом. Руки дрожали.

«Что это было?» — подумала она.

Тимур смотрел на неё из-за стойки.

— Шеф?

— Всё нормально, — сказала она. — Просто гость.

Она вернулась к соусу. Но когда через полчаса вышла в зал — убрать со стола, — мужчины уже не было. На столе лежали деньги. Ровно, без сдачи. И салфетка, на которой было что-то написано.

Анна развернула её.

«Я вернусь завтра. Если можно».

Она смяла салфетку и выбросила в мусорку. Но перед этим — на секунду — прижала её к груди.

Сама не поняла зачем.

На следующий день он пришёл в то же время.

Анна увидела его из кухни — через окошко раздачи, которое Тимур называл «амбразура». Он вошёл, снял пальто (сегодня снял), повесил его на спинку стула и сел за тот же

столик. Футляр поставил рядом. Посмотрел в сторону кухни — прямо на окошко, будто знал, что она там.

Анна отступила в тень.

— Он вернулся, — сказал Тимур.

— Вижу.

— Что готовить?

Анна помолчала. Потом сказала:

— Ничего. Я сама.

Она вышла в зал. Мужчина поднял глаза.

— Добрый вечер, — сказал он.

— Добрый, — ответила Анна. — Что будете?

— То же, что вчера.

— Пасту с трюфелем?

— Да. И хлеб.

Она кивнула и ушла. На кухне она достала трюфель, но не стала нарезать его сразу. Сначала она взяла нож и провела пальцем по лезвию — привычка, от которой она давно не могла избавиться. Потом нарезала. Тонко. Медленно. Так, как учил её Дмитрий: «Не спеши. Трюфель чувствует, когда его режут быстро. Он обижается».

Она вынесла тарелку. Поставила перед ним. Он посмотрел на пасту, потом на неё.

— Вы сами её готовили?

— Да.

— Спасибо.

Он снова закрыл глаза, когда жевал. Анна стояла рядом и

смотрела. В этот раз она не ушла.

— Как вас зовут? — спросил он, не открывая глаз.

— Анна.

— Анна, — повторил он. — Красивое имя. Как у той, которая ждала.

— Какой?

— Неважно, — сказал он и открыл глаза. — Я Максим.

Он протянул руку. Анна посмотрела на его ладонь — длинные пальцы, мозоль на безымянном, — и пожала её. Рука была тёплая. Сухая. Он держал её на секунду дольше, чем нужно.

— Я раньше думал, что музыкант — это тот, кто слышит, — сказал он, глядя не на неё, а на вилку в своей руке. — А теперь думаю: музыкант — это тот, кто перестал слышать, но всё равно играет. Вы, наверное, так же про поваров думаете.

— Как?

— Ну, что повар — это тот, кто кормит. А не тот, кто... — Он замолчал. Повторил одними губами: — Кто. Кто.

Анна ждала.

— Неважно, — сказал он. — Забудьте.

Она не забыла. Она стояла и думала: «Он говорит про себя. А я слышу про себя. Это нечестно».

— Я работаю, — сказала она вслух. — С шести утра.

— Я тоже, — сказал он. — С шести. Только у меня нет плиты. Есть окно. И тишина.

Она хотела ответить резко, но не нашла слов. Он был прав.

Она это знала.

— Ешьте, — сказала она. — Остынет.

Она ушла на кухню. Тимур смотрел на неё, но молчал. Умный мальчик.

Через полчаса она вышла — убрать. Он доел. Тарелка была пустой. Он сидел и смотрел в окно.

— Я хочу вам кое-что сказать, — начал он. — Вы можете меня выгнать.

— Говорите.

— Я не слышу. Совсем. Два года. Я скрипач. Был скрипачом. Сейчас я пишу музыку, которую не могу сыграть. И я не слышу, как вы говорите. Я читаю по губам. И по глазам. У вас глаза говорят громче, чем голос.

Анна вытерла руки о фартук — хотя они были сухими. Потом ещё раз. Ткань скрипнула под пальцами.

— Зачем вы мне это рассказываете?

— Вчера я сидел у вас полчаса. Вы ни разу не спросили, почему я не снял пальто. И не сказали «сочувствую».

— Я не умею сочувствовать, — сказала она, и это прозвучало грубее, чем она хотела. — У меня и плита, и то...

Она не договорила. Взяла его тарелку — пустую, с одной оставшейся крошкой хлеба — и ушла на кухню. Соль. Перец. Тимьян. Чеснок. Всё на месте.

Он встал, надел пальто, взял футляр.

— Я приду завтра, — сказал он. — Если можно. Можно?

— У нас открыто с двенадцати, — сказала Анна. — Но

в шесть... — Она запнулась. — В шесть я обычно одна. Готовлю. Для себя.

— Для себя, — повторил он. — Значит, я буду первым, кто попробует то, что вы готовите для себя.

— Я не это имела в виду.

— Я знаю, — сказал он. — Но я так услышал.

Он улыбнулся — коротко, одним уголком рта, — и вышел. Колокольчик звякнул.

Анна стояла посреди зала. В руке у неё была пустая тарелка. Запах трюфеля ещё висел в воздухе — тёплый, землистый, — и ей вдруг показалось, что она чувствует его впервые за пять лет.

Она не сказала Тимуру, что он придёт. Но Тимур знал. Он всегда знал.

— Шеф, — сказал он вечером, когда они закрывались. — Вы сегодня пели.

Анна замерла с тряпкой в руке.

— Что?

— Когда готовили пасту. Вы пели. Тихо. Под нос. Я не разобрал слов.

Она опустила тряпку. Вытерла руки о фартук — раз, другой. Ткань скрипнула.

— Тебе показалось, — сказала она.

— Может быть, — сказал Тимур и ушёл в подсобку.

Анна осталась одна. Подошла к окну. Фонари горели. Туман стоял стеной. Где-то вдалеке проехал трамвай — она не

услышала, просто увидела, как вспыхнули искры на проводах, и подумала: «Вот так теперь и я. Вижу, но не слышу».

Она достала из кармана салфетку. Ту самую. Вчерашнюю. Она не помнила, как достала её из мусорки. Помнила только, что разглаживала утюгом на кухонном столе, а потом прятала в карман фартука — туда, где лежал крестик Дмитрия. «Я вернусь завтра. Если можно». Буквы были неровные, будто он писал на ощупь.

Анна положила салфетку на стойку. Рядом — крестик. Посмотрела на них вместе. Потом убрала крестик в карман. Салфетку оставила на стойке.

Взяла нож. Нарезала хлеб — ровно, тонко, как учил Дмитрий.

И вдруг поймала себя на том, что губы шевелятся. Без звука. Она не пела — она проговаривала слова. Какие-то. Она не разобрала. Оборвала себя. Положила нож.

За окном пошёл снег. Первый за эту зиму.

Анна стояла и смотрела, как он ложится на гранит. И ни о чём не думала. Это было почти приятно.

ГЛАВА 2. «ТИШИНА МЕЖДУ НАМИ»

Он приходил каждый вечер.

В шесть, ровно в шесть — Анна даже начала проверять часы, чего не делала никогда. За полчаса до его прихода она ставила на плиту воду, доставала трюфель, но не резала — ждала. Трюфель лежал на доске, чёрный, твёрдый, и она смотрела на него, как на что-то живое, что ещё не решило, появится ли.

Соль. Перец. Тимьян. Чеснок. Всё на месте. Она повторяла это про себя, пока нарезала хлеб — ровно, тонко, как учил Дмитрий. Шесть буханок. Ни больше, ни меньше.

Он садился за тот же столик. «Ничейный». Тот, за который никто не садился дважды. Анна смотрела на него из окошка раздачи и думала: «Почему он выбрал именно этот?» Она не спрашивала. Он не объяснял.

Она стала замечать за ним мелочи. Он всегда ставил футляр на соседний стул — не на пол, не на подоконник. Он всегда снимал пальто, но не вешал его в гардероб, а клал на спинку стула. Он никогда не смотрел в телефон — у него, кажется, его и не было. Он всегда оставлял деньги ровно, без сдачи, и всегда — под тарелкой, а не на тарелке.

Однажды, когда Анна выносила ему суп, она услышала,

как он насвистывает. Тихо, сквозь зубы, без мелодии. Она остановилась. Он замолчал. Посмотрел на неё.

— Простите, — сказал он. — Я не замечаю, когда делаю это.

— Что это?

— Не знаю. — Он пожал плечами. — Привычка. Мать говорила, что я свистел ещё в детстве. Когда боялся.

Анна поставила суп. Ушла. И весь вечер думала: «Он боялся. А я даже не заметила».

Тимур заметил первым.

— Он уже третий день, — сказал он как-то вечером, протирая бокал слишком тщательно, даже для него. — Шеф, вы не находите это странным?

— Он ест, — сказала Анна. — Платит. Всё.

— Он ест то, чего нет в меню.

— Я так решила.

— Вот именно, — сказал Тимур и поставил бокал. — Вы так решили.

Она не ответила. Ушла в соус. Соль. Перец. Тимьян. Чеснок.

Но правда была в том, что она готовила для Максима не то, чего не было в меню. Она готовила для него то, что не готовила ни для кого. Простое, тёплое, без спешки. То, что готовила для себя. И это «для себя» теперь стало «для него» — и она не знала, как это остановить.

Однажды она спросила Тимура:

— Он тебе что-нибудь говорит?

— Кто? — Тимур протирал бокал. — Скрипач? Нет. Заказывает. Спасибо. Уходит.

— А чаевые?

— Не оставляет. — Тимур поставил бокал. — Но он каждый раз складывает салфетку. Вчетверо. И кладёт под тарелку. Как будто... — Он пожал плечами. — Не знаю. Как будто убирает за собой.

Анна ничего не сказала. Но в тот вечер, убирая его столик, она развернула салфетку. Внутри было пусто. Но салфетка была сложена вчетверо. Ровно. Как конверт.

В тот вечер она вынесла ему пасту с трюфелем и хлеб. Поставила перед ним. Он поднял глаза.

— Опять трюфель, — сказал он. — Вы меня балуете.

— Я не балую. Я готовлю.

— Это одно и то же, если делать правильно.

Анна хмыкнула. Отвернулась к плите. Помешала соус — хотя он не нуждался в помешивании. Потом ещё раз. Соус был готов. Она это знала. Но руки должны были чем-то заняться.

— Ешьте, — сказала она. — Остынет.

Он не ел. Он смотрел на неё.

— Что? — спросила она.

— Вы сегодня другая.

— Чем?

— Не знаю. — Он взял вилку. — Пахнет по-другому.

— Вы же не чувствуете запаха.

— Я чувствую тепло, — сказал он. — И соль. На губах. Это как... — Он замолчал. Повторил одними губами: — Как. Как.

— Как что?

— Как будто я уже ел это. Когда-то. Очень давно. И был счастлив.

Анна стояла и не знала, что сказать. Она взяла его тарелку — хотя он ещё не доел — и ушла на кухню. Поставила тарелку на стол. Взяла нож. Нарезала хлеб. Ровно, тонко. Потом ещё раз. Потом поняла, что режет уже второй батон, и остановилась.

Соль. Перец. Тимьян. Чеснок. Всё на месте.

Она налила воды, выпила залпом. Вода была холодная, а руки — горячие. Она посмотрела на них. Пальцы дрожали. Она сжала их в кулаки и опустила в карман фартука — туда, где лежал крестик.

Тимур стоял у стойки и смотрел на неё.

— Шеф, — сказал он тихо. — Вы опять.

— Что опять?

— Поёте.

Она замолчала. Поймала себя на том, что губы шевелятся. Оборвала. Взяла нож. Нарезала хлеб.

— Тебе показалось, — сказала она.

— Может быть, — сказал Тимур и ушёл в подсобку.

На четвёртый день Максим пришёл с футляром — как

всегда — но на этот раз поставил его не на соседний стул, а на стол. Перед собой. Анна заметила это из окошка раздачи. Футляр был старый, потёртый по краям, с двумя латунными защёлками. Он ни разу не открыл его при ней.

Она вышла в зал. Поставила перед ним тарелку — сегодня был не трюфель, а тыквенный суп с имбирём. Он посмотрел на суп. Потом на неё.

— Это не паста.

— Я решила, что вам нужно что-то согревающее.

— Почему?

— Потому что вы приходите с мороза в одном пальто.

Он посмотрел на неё. Долго. Потом сказал:

— Сядьте.

Она обернулась.

— Что?

— Сядьте. Со мной. Пожалуйста.

— У меня работа.

— У вас перерыв. Я вижу, как вы стоите у плиты. Вы не ели с утра.

Анна замерла.

— Откуда вы знаете?

— Вы говорите «соль, перец, тимьян, чеснок» каждые десять минут. — Он посмотрел на неё. — Когда человек нервничает, он перечисляет. Я тоже так делаю. Только у меня — ноты. До, ре, ми. До, ре, ми. Пока не найду нужную.

Анна стояла и смотрела на него. Потом села. Напротив.

Скрестила руки на груди.

— Одна тарелка, — сказала она. — И я уйду.

— Хорошо.

Он подвинул к ней тарелку с супом. Она отодвинула. Он подвинул обратно.

— Вы не едите то, что готовите, — сказал он.

— Ем.

— Нет. Вы пробуете. Ложкой. Стоя. И морщитесь.

Анна посмотрела на него. Морщинка между бровями стала глубже.

— Вы наблюдательный.

— Я не слышу. Приходится смотреть.

Он помолчал. Потом сказал:

— Я тоже так делал. Когда перестал слышать. Я ел и не чувствовал. Всё было как бумага. А потом перестал есть. Совсем. Три дня. Пока мать не приехала и не заставила.

Анна стояла. Соль. Перец. Тимьян. Чеснок.

— И что? — спросила она. — Помогло?

— Нет, — сказал он. — Но я понял, что голод — это тоже чувство. Хоть что-то.

Она отвернулась. Взяла его тарелку. Поставила на поднос. Потом сказала, не глядя:

— У нас сегодня закрыто. Завтра приходите в шесть. Будет не паста.

— А что будет?

— Не знаю. Посмотрим.

Он взял ложку и зачерпнул суп. Поднёс ко рту. Закрыл глаза. Проглотил.

— Имбирь, — сказал он. — Я чувствую имбирь. Он жжётся. Вот здесь. — Он показал на горло. — И тепло. Это тепло. Вы знали, что я чувствую тепло?

Анна покачала головой.

— Я не знала.

— Теперь знаете.

Он отодвинул тарелку и посмотрел на неё.

— Я хочу вам кое-что показать, — сказал он. — Вы можете сказать «нет».

Он расстегнул защёлки на футляре. Открыл крышку. Внутри лежала скрипка. Старая, тёмная, с потёртым грифом. Анна смотрела на неё и не понимала, что чувствует.

Максим молчал. Потом Анна услышала: он насвистывал. Тихо, сквозь зубы, без мелодии — просто воздух. Она не сразу поняла, что это. Он и сам, кажется, не замечал.

— Я не играл два года, — сказал он. — С тех пор, как перестал слышать. Но я ношу её с собой. Каждый день. В ресторан. На набережную. Домой. Как... — Он замолчал. Повторил одними губами: — Как. Как.

— Как что?

— Как крестик, — сказал он. — Который вы носите в кармане.

Анна вздрогнула. Она не заметила, как её рука потянулась к карману фартука. Он проследил за движением. Ничего не

сказал.

— Зачем вы мне это рассказываете? — спросила она.

— Потому что вы готовите для меня то, чего нет в меню. А я не сказал вам, кто я.

— Вы скрипач.

— Нет. — Он покачал головой. — Скрипач — это тот, кто играет. Я не играю. Я пишу. В голове. И записываю на диктофон, чтобы не потерять. — Он помолчал. — Вы знаете, что такое диктофон для человека, который не слышит? Это как... — Он замолчал. Повторил одними губами: — Как. Как.

— Как что?

— Как крестик в кармане, — сказал он. — Который вы носите.

Анна стояла. Она провела пальцем по краю футляра — потёртому, тёплому. Потом убрала руку. Потом снова положила. Футляр был старый. Она подумала: «Сколько ему лет?» — но вслух не спросила.

— Я не музыкант, — сказала она наконец.

— Я знаю. — Он помолчал. — У меня был учитель. Он говорил: «Если ты не слышишь — не играй. Слушай руками». Я не понял тогда. А теперь думаю: может, он про вас говорил. Про людей, которые не слышат, но чувствуют.

— Я не чувствую.

— Чувствуете, — сказал он. — Иначе не резали бы хлеб так ровно.

Он закрыл футляр. Защёлкнул.

— Я приду завтра, — сказал он. — В шесть.

— У нас закрыто.

— Я знаю. — Он встал. Надел пальто. — Я приду в шесть.

Он вышел. Колокольчик звякнул.

Анна осталась сидеть. Перед ней стояла тарелка с супом — остывшим, с плёнкой на поверхности. Она взяла ложку. Зачерпнула. Поднесла ко рту. Проглотила. Отложила ложку. Посмотрела на тарелку. Потом встала, взяла её и вылила в раковину. Соль. Перец. Тимьян. Чеснок. Она вымыла тарелку. Поставила в сушилку. Вытерла руки о фартук. И только тогда поняла, что стоит в пустом ресторане и прислушивается к тишине.

Ночью она не могла уснуть.

Квартира была пустая — кровать, плита, фотография Дмитрия на подоконнике. Анна подошла к подоконнику. Взяла фотографию. Дмитрий смотрел на неё с бумаги — молодой, с дурацкой улыбкой, в фартуке с вышитой солью. Она провела пальцем по стеклу. Пыль осталась на подушечке. Она посмотрела на палец. Потом на фотографию. Потом положила её обратно — на то же место, той же стороной. И не стала протирать.

Она встала. Подошла к плите. Открыла холодильник. Достала трюфель. Нарезала — тонко, медленно. Потом взяла ложку. Попробовала.

Ничего.

Она села на пол, прямо у плиты, и стала смотреть на трю-

фель. Чёрный, твёрдый, дорогой. Она покупала его раз в месяц у старика на рынке. Старик всегда говорил: «Трюфель — это не еда. Это память. Ты ешь и вспоминаешь что-то, чего не было».

Она не вспоминала. Уже пять лет.

Она посмотрела на свои руки. Пальцы были в муке — она даже не заметила, как взяла муку. Она посмотрела на муку. Потом на трюфель. Потом на фотографию. Встала. Вымыла руки. Вытерла о фартук. И пошла спать — хотя знала, что не уснёт.

Утром она пришла в ресторан в пять. Не в шесть, как обычно. Села за столик у окна — тот самый, «ничейный», — и стала смотреть на набережную. Туман. Снег. Фонари.

Тимур пришёл в шесть. Увидел её. Остановился в дверях.

— Шеф?

— Я сегодня не готовлю, — сказала она. — Скажи гостям, что мы закрыты.

— Совсем?

— Совсем.

Тимур помолчал. Потом сказал:

— Он придёт в шесть.

— Я знаю.

— Что мне ему сказать?

Анна смотрела в окно. По набережной шёл человек в чёрном пальто. С футляром. Он остановился у витрины. Посмотрел на вывеску. Потом увидел её — через стекло, за сто-

ликом. И не ушёл.

— Ничего, — сказала Анна. — Я сама.

Она встала. Подошла к двери. Открыла.

— Мы закрыты, — сказала она.

— Я знаю, — сказал он. — Я не есть пришёл.

— А зачем?

— Я принёс ноты. — Он поднял футляр. — Я хочу, чтобы вы их послушали.

— Я не музыкант.

— Я знаю. — Он посмотрел на неё. — Но вы готовите. А это одно и то же. Если делать правильно.

Анна стояла в дверях. Ветер трепал её фартук. Она смотрела на него — на его пальто, на его футляр, на его глаза, которые говорили громче голоса.

— Заходите, — сказала она. — Но я не буду готовить.

— Хорошо.

— И я не буду слушать.

— Хорошо.

— И я не буду ничего чувствовать.

Он не ответил. Просто вошёл — мимо неё, в зал. Колокольчик звякнул. Анна закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Руки она держала в карманах фартука. В одном кармане лежал крестик. В другом — салфетка, которую она так и не выбросила. Она сжала крестик. Салфетку не тронула.

Максим прошёл в зал. Поставил футляр на «ничейный» столик. Расстегнул защёлки. Открыл крышку. Внутри лежа-

ла скрипка — и рядом с ней, в специальном кармашке, диктофон. Маленький, чёрный, с поцарапанным корпусом.

— Я записал тишину, — сказал он. — Вчера. Когда шёл домой. Просто включил диктофон и шёл. Двадцать минут тишины. Вы можете послушать. Если хотите.

Анна подошла. Села напротив. Он нажал на кнопку. Из динамика полилась тишина — не абсолютная, а живая: где-то скрипел снег, где-то гудел ветер, где-то проехала машина. Тишина была не пустой. Она была полной.

— Это не тишина, — сказала Анна.

— Я знаю, — сказал он. — Я не слышу разницы. Для меня это всё — тишина. Но вы слышите. Скажите мне, что там.

Анна закрыла глаза. Слушала.

— Снег, — сказала она. — Кто-то идёт по снегу. Близко. Потом далеко. Ветер. Машина. И... — Она замолчала. Прислушалась. — Кто-то смеётся. Далеко. Очень далеко.

— Я так и думал, — сказал он. — Что тишина не бывает пустой.

Он выключил диктофон. Посмотрел на неё.

— Вот, — сказал он. — Это вам.

Он вынул диктофон из футляра и положил на стол. Подтолкнул к ней — пальцем, медленно, как фишку в настольной игре.

— Я не умею записывать, — сказала Анна.

— Там одна кнопка. — Он показал. — Красная. Нажали — говорите. Нажали — стоп.

— Что говорить?

— Что слышите. — Он пожал плечами. — Я не слышу. Вы слышите. Вот и всё.

Анна посмотрела на диктофон. Потом на него.

— Я не знаю, как это сделать, — сказала она.

— Я тоже, — сказал он. — Поэтому и прошу.

За окном шёл снег. Анна смотрела на него и думала: «Он оставил мне диктофон. Как оставляют ключи. Или крестик. Или что-то, что не могут носить с собой».

Она взяла диктофон. Покрутила в руках. Он был холодный. Потом тёплый. Потом холодный.

— Приходите завтра, — сказала она. — В шесть.

— А что будет?

— Не знаю, — сказала она. — Но приходите.

Максим кивнул. Взял футляр. Надел пальто. Вышел. Колокольчик звякнул.

Анна осталась стоять. В одной руке — диктофон. В другой — пустота. Она посмотрела на диктофон. Потом на «ничейный» столик. Потом на окно. Снег шёл и шёл. Она нажала красную кнопку. Поднесла диктофон ко рту. Открыла рот. Закрыла. Нажала «стоп». Убрала диктофон в карман фартука — в тот, где лежал крестик.

ГЛАВА 3. «ЭЛЕГИЯ ДЛЯ ДВОИХ»

Она записала тишину на третий день.

Не специально. Просто в тот вечер Тимур ушёл раньше — у него была какая-то история с сестрой, Анна не вникала, — и мусор пришлось выносить самой. Она натянула пальто поверх фартука, взяла пакет с очистками, толкнула чёрный ход. Диктофон лежал в кармане — рядом с крестиком, — и когда она остановилась на пороге, пальцы сами нашарили красную кнопку.

Она не собиралась ничего записывать. Просто стояла. Снег скрипел под ногами редких прохожих — набережная в этот час была почти пустой, только собачник вдалеке да пара, которая шла слишком медленно для зимы. Где-то гудел теплоход — не сезон, но всё равно гудел, упрямый. Ветер шуршал по жестяному козырьку над дверью, и козырёк отвечал ему — тонко, дребезжаще, как расстроенная струна.

Потом — совсем близко — замяукала кошка.

Анна обернулась. Кошка сидела на мусорном баке, серая, с ободранным ухом, и смотрела на неё без всякого интереса. Как смотрят существа, у которых нет ни прошлого, ни будущего.

— Привет, — сказала Анна.

Кошка моргнула.

Анна постояла ещё немного. Пакет оттягивал руку. Она

переложила его в другую. Кошка не уходила.

— У тебя ухо ободрано, — сказала Анна. — Дерёшься, наверное.

Кошка отвернулась. Анна нажала «стоп». Убрала диктофон в карман. Выбросила мусор. Вернулась на кухню.

Тимур стоял у стойки — вернулся, значит. Протирал бокал, хотя все бокалы были уже протёрты. Он посмотрел на её пальто, на пакет в её руке, на карман фартука, куда она только что убрала диктофон. Ничего не сказал. Только поставил бокал.

— Вы выносили мусор, — сказал он.

— Да.

— Сами.

— А что, нельзя?

— Можно. — Он помолчал. — Просто вы никогда не выносите сами.

Анна сняла пальто. Повесила на крючок. Соль. Перец. Тимьян. Чеснок. Всё на месте.

— Иди домой, — сказала она. — Поздно.

— Шеф.

— Что?

— Ничего. — Он взял куртку. — Просто вы сегодня... — Он не договорил. Покачал головой. — Ничего. Завтра в шесть?

— В шесть.

Он ушёл. Анна осталась одна. Она достала диктофон. По-

смотрела на него. Потом убрала обратно.

Максим пришёл, как всегда, в шесть. Сел за «ничейный» столик. Поставил футляр на соседний стул. Анна вынесла ему суп — сегодня с белыми грибами, — и он сказал:

— Пахнет лесом.

— Вы же не чувствуете.

— Я помню, как пахнет лес. — Он взял ложку. — Это другое.

Она стояла рядом. Он посмотрел на неё.

— Вы записали?

Анна достала диктофон. Положила на стол. Подтолкнула к нему.

— Там ничего интересного.

— Это мне решать.

Он нажал на кнопку. Из динамика полилась тишина — снег, теплоход, ветер, дребезжащий козырёк. Потом — кошка. Максим слушал. Глаза у него были закрыты. Анна смотрела на его лицо и думала: «Он не слышит. Но он слушает».

— Кошка, — сказал он наконец. — Серая. С ободранным ухом.

Анна вздрогнула.

— Откуда вы знаете?

— По голосу. — Он открыл глаза. — Она мяукала хрипло. Как будто простужена. Или как будто дерётся часто.

— А цвет?

— Серая. — Он пожал плечами. — У серых кошек голос

суше. Не знаю почему. Может, я придумываю.

Анна стояла и смотрела на него. Он не улыбался. Он смотрел в тарелку — пустую, с разводами от супа. Его пальцы — длинные, с мозолью на безымянном — лежали на столе неподвижно. Как тогда, в первый вечер.

— Это не одно и то же, — сказала она. — Слышать и представлять.

— Это лучше, — сказал он. — Если бы я слышал, я бы просто слышал. А так я представляю. — Он помолчал. — Когда я был маленьким, я думал, что в стене живёт человек. Стучит по трубам. Я его назвал. Стёпа.

— Стёпа?

— Стёпа. — Он кивнул. — Я до сих пор думаю, что он там. Стучит.

Анна стояла. Она взяла его тарелку — хотя он ещё не доел — и ушла на кухню. Поставила тарелку на стол. Взяла нож. Нарезала хлеб. Ровно, тонко. Потом ещё раз. Потом поняла, что режет уже второй батон, и остановилась.

— Ешьте, — сказала она, вернувшись. — Остынет.

Он вернул ей диктофон.

— Спасибо. Теперь я знаю, как звучит ваш мир.

Она убрала диктофон в карман. Вытерла руки о фартук — раз, другой. Ткань скрипнула. Потом взяла его тарелку — пустую, с разводами от супа — и ушла на кухню. Соль. Перец. Тимьян. Чеснок. Всё на месте.

Он доел суп и не ушёл.

Анна убирала со стола — складывала салфетки, считала кассу, хотя касса была уже посчитана. Тимур ушёл, в зале никого. Максим сидел. Смотрел на неё. Она чувствовала этот взгляд спиной.

— У меня к вам просьба, — сказал он.

— Ещё одна?

— Последняя. — Он помолчал. — На эту неделю.

Она остановилась с тарелкой в руке.

— Говорите.

— Я хочу приготовить вам ужин.

Анна посмотрела на него.

— Вы не умеете готовить.

— Я знаю. — Он пожал плечами. — Поэтому и прошу. Научите.

— Зачем?

Он не ответил сразу. Посмотрел на футляр — на соседнем стуле, защёлкнутый. Потом на неё.

— Я не могу сыграть. Для вас. Не могу. — Он помолчал. — Но я могу попробовать приготовить. Это будет плохо. Но это будет моё.

Анна поставила тарелку. Вытерла руки о фартук.

— У меня есть кухня. Но она маленькая.

— У меня тоже.

— У вас есть продукты?

— Нет.

— Тогда как вы собираетесь готовить?

— Я куплю. — Он сказал это так просто, будто покупать продукты было самым обычным делом. — Скажите, что нужно.

Анна помолчала. Потом сказала:

— Я не пущу вас на свою кухню.

— Почему?

— Потому что там всё моё, — сказала Анна. — Каждая царапина.

Она посмотрела на плиту — на кастрюлю, которая стояла в дальнем углу, прикрытая полотенцем. Кастрюля Дмитрия. Он варил в ней борщ — всегда один и тот же, всегда с копчёной грудинкой, всегда слишком много. Она не мыла её пять лет. Просто стояла.

— Неважно, — сказала она.

Максим не спросил. Он просто кивнул.

— Хорошо. Тогда я приготовлю у себя. А вы придёте. Как гость.

— Я не хожу в гости.

— Я знаю. — Он помолчал. — Поэтому и приглашаю.

Анна хотела сказать «нет». Она уже открыла рот. Но вместо этого сказала:

— Что вы собираетесь готовить?

— Не знаю. — Он пожал плечами. — Что-нибудь простое. Пасту.

— Пасту? — Анна чуть не рассмеялась. — Вы не умеете варить пасту.

— Научите.

— Это долго.

— У меня есть время. — Он сказал это без иронии. — Пока есть.

Анна замолчала. Она посмотрела на него — на его лицо, на его руки, на его футляр. Потом на кастрюлю под полотенцем. Потом снова на него.

— Завтра, — сказала она. — После закрытия. Я приду.

— Правда?

— Не заставляйте меня повторять.

Он кивнул. Потом сказал:

— И не думайте, что я буду вас хвалить. Если будет плохо — я скажу.

— Я надеюсь, — сказал он. — Иначе будет нечестно.

Она проводила его до двери. Он надел пальто. Взял футляр. Остановился на пороге.

— Шеф, — сказал он. Потом поправился: — Анна.

— Что?

— Спасибо, — сказал он. — За то, что не спросили.

Он вышел. Колокольчик звякнул. Анна стояла в дверях. Снег шёл. Она смотрела, как он идёт по набережной — высокий, в чёрном пальто, с футляром в руке.

Она вернулась на кухню. Открыла кастрюлю Дмитрия. Внутри было пусто. Она закрыла её. Соль. Перец. Тимьян. Чеснок.

Квартира Максима была на четвёртом этаже старого дома

без лифта. Анна поднялась по лестнице, держа в руке пакет — она не собиралась приходить с пустыми руками, хотя он сказал «ничего не нужно». В пакете был хлеб. Свой. Шестая буханка.

Он открыл дверь. На нём был фартук — новый, синий, с ценником, который он забыл снять. Анна посмотрела на ценник. Потом на него.

— Вы забыли.

— Что?

— Ценник.

Он посмотрел вниз. Потом засмеялся — впервые за всё время, что она его знала. Смех был хриплый, короткий, будто он давно не смеялся.

— Я волновался, — сказал он. — Поэтому забыл.

Анна вошла. Квартира была маленькая: кухня, комната, окно. На столе — продукты: мука, яйца, соль, помидоры, базилик. Всё разложено аккуратно, как в аптеке. На подоконнике — фотография женщины в рамке. Пожилая, с такими же серо-зелёными глазами. Мать. На шкафу — пустые полки, протёртые от пыли. На стене — ничего. Ни картин, ни постеров. Только светлые квадраты обоев, где что-то висело раньше.

— Я купил по списку, — сказал он. — Который вы продиктовали. Но я не знаю, что с этим делать.

Анна посмотрела на продукты. Потом на него. Потом на фотографию.

— Вы правда не умеете готовить?

— Я правда не умею.

— Совсем?

— Совсем. — Он помолчал. — Мать готовила. Я только ел. А потом перестал слышать — и перестал есть. Она приезжала, заставляла. Но готовить я так и не научился.

Анна сняла пальто. Повесила на спинку стула. Подошла к столу. Достала хлеб. Положила рядом с мукой.

— Это вам, — сказала она.

Он посмотрел на хлеб.

— Вы пекли?

— Утром.

— Спасибо.

Он взял хлеб. Поднёс к лицу. Вдохнул. Закрыл глаза.

— Я не чувствую, — сказал он. — Но я помню. Тёплый. Дрожжевой. Как в детстве.

Анна смотрела на него. Он держал хлеб так, будто это была скрипка. Бережно. Обеими руками.

— Ладно, — сказала она. — Начнём с простого. Паста.

— Паста, — повторил он. Потом сказал: — Паста?

— Паста, — сказала Анна. — Тесто. Мука, яйца, соль. — Она взяла муку. — Смотрите.

Она высыпала муку на стол. Сделала горку. Разбила яйца. Добавила соль. Начала месить — медленно, уверенно, как делала тысячу раз.

— Теперь вы, — сказала она.

Он подошёл. Опустил руки в тесто. Начал месить — неуклюже, слишком сильно, слишком быстро.

— Не так, — сказала она. — Мягче. Тесто не любит, когда его бьют.

Он замедлился. Анна стояла рядом. Смотрела на его руки — длинные пальцы, мозоль на безымянном, — и на свои руки — в муке, в тесте. Она не думала ничего. Просто смотрела.

— Вы знаете, что такое «Элегия»? — спросил он вдруг, не поднимая глаз.

— Нет.

— Это... — Он замолчал. Повторил одними губами: — Это. Это.

— Это что?

— Прощание, — сказал он. — Но не траурное. Просто... — Он снова замолчал. — Просто. Просто.

Анна ждала.

— Я пишу её два года, — сказал он наконец. — В голове. Каждую ночь. И не могу закончить. Потому что не знаю, с чем прощаюсь.

Анна стояла рядом. Тесто под его пальцами становилось гладким.

— А вы? — спросил он. — Вы знаете, с чем прощаетесь?

— Я ни с чем не прощаюсь, — сказала она. — Я просто живу.

— Это одно и то же, если жить достаточно долго.

Она хотела ответить резко. Но не нашла слов. Он был прав. Она это знала. Она отвернулась. Взяла муку. Высыпала на стол — хотя мука уже была. Посмотрела на свои руки. Потом на его. Они были одинаковые — в муке, в тесте.

— Ещё минуту, — сказала она.

Он месил. Тесто становилось гладким — почти правильным. Анна протянула руку — поправить, показать, — и её пальцы коснулись его пальцев. На секунду. Меньше. Тесто было тёплое. Его рука была тёплая. Она убрала руку. Он не убрал. Продолжал месить, будто ничего не произошло. Но Анна заметила: его пальцы двигались медленнее. Будто он тоже запоминал.

— Месите, — сказала она. — Ещё минуту.

Он месил. Анна смотрела на его руки. Потом сказала:

— Я приду завтра. Научу вас делать соус.

Он поднял глаза. Ничего не сказал. Только кивнул — медленно, будто запоминал.

Анна отвернулась. Вытерла руки о фартук. Потом ещё раз. Ткань скрипнула. Она посмотрела на свои руки — в муке, в тесте, — и на его руки. Они были одинаковые. Она убрала свои в карманы. В одном кармане лежал крестик. В другом — диктофон. Она не помнила, как он там оказался. Но он был там.

Максим вытер руки о фартук — синий, с ценником. Снял ценник. Посмотрел на него. Потом положил в карман — не выбросил. Анна заметила. Ничего не сказала.

Он достал из кармана диктофон. Положил на стол. Нажал красную кнопку. Посмотрел на Анну.

— Запишите, — сказал он. — Как я готовлю. Я хочу знать, как это звучит.

— Я записал вчера, — сказал он. — Как вы уходили. Не специально. Просто диктофон был в кармане. Я нажал — и шёл. Двадцать минут. Ваши шаги. Ваше дыхание. Как вы открыли дверь. Как вы сказали «до завтра».

Анна смотрела на него.

— Вы записали мои шаги?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы запомнить. — Он пожал плечами. — Я не слышу. Но я могу слушать. Потом. Когда захочу.

Анна смотрела на диктофон. Потом на него. Потом на тесто. Потом на свои руки — в муке, в тесте. Она взяла диктофон. Нажала «стоп». Положила обратно на стол.

— Завтра, — сказала она. — Я запишу завтра.

Максим кивнул. Он не улыбался. Он смотрел на неё. Анна выдержала. Потом сказала:

— Мне пора.

— Я провожу.

— Не надо.

— Я провожу, — повторил он. И это было не предложение.

Они спустились по лестнице. На улице шёл снег. Анна

шла впереди. Он — сзади, на шаг, с футляром в руке. У её подъезда он остановился.

— Завтра в шесть? — спросил он.

— В шесть.

Он кивнул. Повернулся. Ушёл. Анна смотрела ему вслед. Потом пошла домой — не сразу, а кругом, через набережную. У мусорного бака сидела кошка. Серая. С ободранным ухом. Анна остановилась. Посмотрела на неё. Кошка посмотрела на Анну. Потом отвернулась.

Анна достала диктофон. Нажала красную кнопку. Поднесла ко рту.

— Серая, — сказала она. — С ободранным ухом.

Нажала «стоп». Убрала диктофон в карман — рядом с крестиком.

ГЛАВА 4. «СОЛЬ НА ГУБАХ»

Снег шёл третий день подряд.

Он завалил набережную так, что гранитный парапет сравнялся с сугробами, и фонари горели вполсилы, будто им тоже было холодно. Анна стояла у окна в зале, смотрела, как дворник в оранжевой куртке скребёт дорожку, и думала: «Завтра надо будет посыпать солью крыльцо. Кто-нибудь поскользнётся».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.